

Департамент образования и науки города Москвы
Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»
Институт гуманитарных наук
Кафедра русской литературы

На правах рукописи

Бочарова Анна Александровна

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО 1840-Х ГОДОВ**

Направление подготовки:

45.06.01 «Языкознание и литературоведение»

Направленность (профиль) образовательной программы:

«Русская литература»

Научный доклад

об основных результатах научно-квалификационной работы

(диссертации)

Научный руководитель

доктор филологических наук,
профессор

Беляева Ирина Анатольевна

Москва

2023

Внешние рецензенты:

1. Завьялова Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева.

2. Мелентьева Ирина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Внутренние рецензенты:

3. Романова Галина Ивановна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

4. Гарипова Гульчира Талгатовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В конце XX — начале XXI веков наблюдается повышенное внимание русских и зарубежных ученых к раннему творчеству Ф.М. Достоевского. Это обусловлено тем, что исследователи стремятся выявить истоки философских взглядов писателя, повлиявших на все последующее развитие мировой литературы, философии и психологии.

Современные исследователи осознают недостаточность любой отдельно взятой методики для целостного анализа авторской позиции Достоевского в отношении того или иного образа, мало внимания уделено ранним антропологическим открытиям, особенно в области христианской антропологии нет целостного подхода к анализу ранних героев Достоевского. Также исследователи обходят вниманием женские образы раннего периода творчества писателя, которыми были одухотворены его дальнейшие искания и открытия.

К анализу раннего литературного творчества Достоевского обращались уже при жизни писателя. Во времена Достоевского предпринимались попытки создания классификаций типов героев, одним из первых в этом отношении был Н.А. Добролюбов, выделивший некоторые тенденции в формировании основных характеров в раннем творчестве Достоевского. Но основных типов героев Достоевского Добролюбов выделяет два: «кроткий» и «ожесточенный». Два центральных типа выделял и Ап.А. Григорьев: «страстный» и «смирный», однако не на основе творчества Достоевского, а в русской литературе вообще¹, хотя эта типология применима и к Достоевскому.

Долгое время раннее творчество Достоевского воспринималось в ключе «натуральной школы» — условное название начального этапа в развитии критического реализма в русской литературе 1840-х годов XIX в.

¹ Григорьев А.А. Сочинения. Статьи. Письма. М.: Худож. лит., 1990. С. 371.

Классификации персонажей Достоевского, созданные в середине и второй половине XIX века, в большей или меньшей степени базировались на выведении типов, соответствующих концепции натуральной школы.

В XX веке исследование творчества Достоевского обогатилось новыми открытиями. Были предложены и новые типологии. Например, Л.П. Гроссман, анализируя произведения Достоевского от самых ранних до последнего романа «Братья Карамазовы», выделяет несколько типов героев: «мечтатели», «двойники», «подпольные», «сладоэрастники», «добровольные шуты», «праведники», «темные дельцы» и др.

В.Г. Одинокоев замечает, что «„двойники“ — это не тип героев, а художественный прием»². Исследователь выделяет и подробно анализирует несколько основных типов: «мечтателя», «подпольного», «гордого человека», «положительно прекрасного человека».

Р.Г. Назиров ставит проблему типологии наряду с другими, позволяющими выделить основные творческие принципы писателя. Он также указывает на несколько типов героев, выделяемых уже традиционно: «мечтателя» и «героя-идеолога» (начиная с «подпольного человека»). Обращаясь к типу «мечтателя», Р.Г. Назиров отмечает, что появление в раннем творчестве писателя такого героя — «это и резкое сближение Достоевского с романтической традицией» и что «идейный замысел Достоевского при создании Мечтателя явно связан с темой романтического разочарования, с темой “лишних людей”, однако специфическая форма характера Мечтателя в “Белых ночах” найдена Достоевским в сфере готического психологизма»³. Проследив эволюцию типа мечтателя, Р.Г. Назиров, как и В.Г. Одинокоев, делает выводы о его особых отношениях с типом «подпольного человека» (как начального

² Одинокоев В.Г. Произведения Ф.М. Достоевского «Двойник» и «Игрок» // Достоевский Ф.М. Двойник. Игрок. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1983. С. 275.

³ Назиров Р.Г. Творческие принципы Достоевского. Саратов: Саратовский ун-т, 1982. С. 40–42.

варианта «героя-идеолога»). «Подпольный человек — это “перевернутый тип романтика-мечтателя”, цинически оплевывающего свои собственные романтические идеалы. Поэтому он сам в конце своей исповеди называет себя “антигерой”. Подпольный человек — переродившийся мыслитель раннего Достоевского и первый герой-идеолог зрелого творчества писателя»⁴. В.Н. Захаров осмысливает подполье как «антихристианское состояние героя», которое можно преодолеть, только обратившись к Богу и Христу⁵.

В определении типа «героя-идеолога» Р.Г. Назиров опирается на работы М.М. Бахтина и подчеркивает связь этого типа с реалистическим направлением литературы (через тип «лишнего человека») и с романтизмом: «Для героя-идеолога характерно сходство с “лишними людьми” русской классической литературы, но у героев-идеологов мысль непосредственно (или опосредованно, как у Ивана Карамазова) претворяется в дело»⁶.

Э.М. Жиликова выделяет в персонажах Достоевского явные черты сентиментальных героев. Автор утверждает, что в первой повести «Достоевский выводит в герое тип чувствительного человека с обостренным вселенским болением за всех»⁷.

Традиционно героев Достоевского анализируют преимущественно через типологизацию образов. Исследователи раннего творчества Достоевского (в основном XX века), обращаясь к изучению этапов развития художественного сознания писателя в изображении человека, выявляли генезис и структуру наиболее характерных для его творчества типов персонажей: маленький человек, мечтатель и др.

⁴ Там же.

⁵ Захаров В.Н. О христианском значении основной идеи творчества Достоевского // Достоевский и мировая культура. С. 13.

⁶ Назиров Р.Г. Указ. соч. С. 58.

⁷ Жиликова Э.М. Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского (1844 – 1849) / Под ред. Ф.З. Кануновой. Томск: Томский ун-т, 1989. С. 68.

Основой для характерологии типов героев Ф.М. Достоевского, согласно Т.А. Касаткиной, служит эмоционально-ценностная ориентация, то есть «способ отношения человека к миру, глубинная основа его реакций на мир»⁸.

Большинство исследователей отмечают, что центральным, сквозным типом в творчестве раннего Достоевского считается мечтатель и тема мечтательства. «Мечтатель, — пишет С.В. Белов, — новый человек в понимании Достоевского в 1840-е гг. — это своеобразный протест против действительности»⁹.

Э.М. Жилякова отмечает: «Достоевский создал галерею разнообразных видов мечтателей, исследовав социальную, философскую, эстетическую природу этого явления»¹⁰. По классификации исследователя, героями ранних произведений Достоевского (начиная с «Бедных людей») становятся: «мечтатель доброго сердца, социальный мечтатель-утопист, сентиментальный мечтатель, мечтатель-фланер, мечтательница, мечтатель-альтруист»¹¹.

В связи с типами героев творчества Достоевского Г.К. Щенников в работе «Достоевский и русский реализм» останавливается на взаимодействии традиций сентиментализма с традициями романтизма и, отмечая обращение Достоевского к теме «маленького человека», подчеркивает: «Для Достоевского этот герой был носителем целой и весьма представительной духовной культуры — сентиментального и романтического сознания, как оно сложилось, закрепилось в демократических слоях русского общества»¹².

⁸ Касаткина Т.А. Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций. М.: Наследие, 1996. С. 12.

⁹ Белов С.В. Петербург Достоевского. СПб.: Алетейя, 2002. С. 25.

¹⁰ Жилякова Э.М. Мечтательство // Достоевский. Эстетика и поэтика. Словарь-справочник. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1997. С. 97.

¹¹ Там же.

¹² Щенников Г.К. Достоевский и русский реализм. Свердловск: Уральский университет, 1987. С. 34.

Г.К. Щенников рассматривает особенности типов героев раннего Достоевского, отмечает эволюцию их характеров, сопоставляет гордого, разочарованного скептика-рационалиста и энтузиаста-мечтателя. Исследователь понимает художественный метод Достоевского как реалистический, в котором автором синтезируется опыт романтизма и сентиментализма и создается особый тип русского реализма. По мнению Г.К. Щенникова, эти типы получили новое осмысление в зрелом творчестве Достоевского.

По мнению исследователя В.Г. Одинокова, типы «подпольный» и «мечтатель» являются ключевыми для творчества Достоевского, так как из них позже «вырастают» остальные типы: «гордый человек», «положительно прекрасный человек», «бес», «великий грешник».

В.Г. Одинокоев, Р.Г. Назиров и А.Б. Криницын также соотносят тип «мечтателя» с типом «подпольного человека». Вслед за Бахтиным Назиров утверждает, что подпольный человек — это «переродившийся Мечтатель раннего Достоевского и первый герой-идеолог зрелого творчества писателя»¹³.

Стремление охватить и классифицировать всех героев Достоевского привело, с одной стороны, к «плохо контролируемому расширению типологии»¹⁴. Многообразие подходов в изучении наследия Достоевского во многом обусловлено временем, когда, прежде всего, обращали внимание на социальную тему в осмыслении творчества классика, что, конечно, не позволяло раскрыть и рассмотреть творчество писателя во всей полноте.

Сложившаяся еще при жизни Достоевского традиция разделила его творчество на два неравноценных в идейно-художественном отношении периода: докаторжный и послекаторжный период. Очень долго

¹³ Назиров Р.Г. Указ. соч. С. 64.

¹⁴ Власкин А.П. Художественная антропология – ее контекст и подтекст у Достоевского // Достоевский и мировая культура. СПб.: Серебряный век, 2010. № 27. С. 176.

господствовала идея, что взгляды Достоевского периода 1840-х годов и после каторги разнятся, что именно после каторги происходит «перерождение убеждений» писателя. Так, например, Лев Шестов пишет: «Достоевскому вдруг открылось, что идеалы, которым он отдал всю свою молодость, которым он служил с такой искренностью и беззаветностью — обманули его, что все написанное им до сорока лет («Записки из подполья») были написаны, когда Достоевскому уже исполнилось сорок лет) было сплошной ложью и при том ложью ничем не могущей быть оправданной»¹⁵.

Отношение молодого Достоевского к социализму осмыслено П.Н. Сакулиным, считавшим, что Достоевский «сознавал внутреннюю правоту социализма», но «нужно различать, что идет от *убеждений* Достоевского, и что — от его *настроения* в известный момент»¹⁶.

Общеизвестно, что уже в начале своего творческого пути Достоевский признавался в письме от 16 августа 1839 года к брату М.М. Достоевскому: «Душа моя недоступна прежним бурным порывам. Всё в ней тихо, как в сердце человека, затаившего глубокую тайну». И далее он сформулировал сверхзадачу всего своего творчества: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь разгадывать ее всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»¹⁷. При этом Достоевский добавлял, что именно литература позволяет ответить на эти важные для него человековедческие вопросы: «учить характеры могу из писателей, с которыми лучшая часть жизни моей протекает свободно и радостно»¹⁸. В 1840-е годы Достоевский много пишет, его интересует человек. Прежде всего, Достоевского увлекают внутренние пружины, которые движут этим современным человеком.

¹⁵ Шестов Л.И. О «перерождении убеждений» у Достоевского // Начала и концы. СПб., 1908. С. 233.

¹⁶ Сакулин П.Н. Русская литература и социализм. М.: Гос. изд-во, 1924. С. 225.

¹⁷ Достоевский Ф.М. Неизданные письма 1839–1865 гг. М.: Гос. изд-во, 1930. С. 55.

¹⁸ Там же. С. 57.

Молодой Достоевский рассматривает человека — даже самого, на первый взгляд, заурядного — под разными углами зрения и «открывает» в нем противоречивую по своей сути природу. Подобное многообразие составляет уникальную картину психологических типов, которые впоследствии, переработанные и отшлифованные, войдут в зрелые произведения писателя.

На сегодняшний момент ученые отмечают распространение антропологического подхода в разных сферах науки, что позволяет говорить об антропологическом повороте в гуманитарной культуре, причина которого состоит в том, что в XXI веке появляется необходимость обретения целостного взгляда на мир и человека в целом. Поэтому антропология как наука, рассматривающая человека в рамках его социально-знаковой деятельности, оказалась востребованной и в литературоведении.

Одним из первых, кто заявил о возможности говорить об антропологии на материале литературы, был французский ученый Рене Жирар в книге «Ложь романтизма и правда романа»¹⁹ (начало 60-х годов XX века), где на материале художественного творчества писателей, в том числе и Достоевского, он начал говорить о миметической (сходной, подражательной) природе человека. Основная задача антропологического метода, согласно трудам основоположника рецептивной эстетики — немецкого ученого Вольфа Изера, состоит в исследовании «подсознательных установок <...> личности как автора, так и читателя», а также культуры в целом, что позволит заглянуть за пределы отношений, «предложенных нам повседневным миром»²⁰.

¹⁹ Жирар Р. Ложь романтизма и правда романа; пер. с франц. А. Зыгмонта. М.: Новое литературное обозрение. 2019. 352 с. (Studia religiosa)

²⁰ Iser W. Search: From Reader Response to Literary Anthropology. Baltimore; London, 1989. P. 122–123.

В настоящее время одной из задач художественной антропологии, как полагает Т.В. Федосеева, является «выход из мира произведения в мир действительный, к постижению сущности человека как такового»²¹ и совершенно справедливо замечает, что эта особенность антропологического подхода берет свое начало в работах Ю.М. Лотмана, который «подчеркивал сложный характер взаимодействия текста с “внетекстовым” пространством действительной жизни и культурной традиции»²².

Но чаще исследования касаются крупных романов Достоевского, в том время как уже в раннем творчестве писатель сделал целый ряд антропологических открытий.

Материалом исследования послужило раннее творчество Ф.М. Достоевского: роман «Бедные люди» (1846), повести «Двойник» (1846) и «Хозяйка» (1847).

Предмет исследования: специфика художественного воплощения в раннем творчестве Ф.М. Достоевского авторской концепции человека как составляющей художественной антропологии.

Объект исследования: художественная антропология в раннем творчестве Ф.М. Достоевского через призму христианского человекопознания.

Цель работы заключается в раскрытии единых антропологических принципов в произведениях Ф.М. Достоевского 1840-х годов, по которым можно судить о доминанте художественной антропологии его раннего творчества.

Для достижения поставленной цели необходимо обеспечить решение следующих **задач:**

²¹ Федосеева Т.В. О литературной антропологии и антропоцентризме современного литературоведения // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2016. С. 9.

²² Там же.

- 1) раскрыть своеобразие мужских и женских персонажей в произведениях Ф.М. Достоевского с точки зрения общей антропологии его творчества;
- 2) определить способы и приемы раскрытия социального и индивидуального в произведениях Ф.М. Достоевского;
- 3) описать типологические и христианские особенности в идейно-содержательной основе творчества Ф.М. Достоевского;
- 4) выявить своеобразие типологии и характеров героев в романе «Бедные люди»;
- 5) рассмотреть христианское начало в человеке с точки зрения художественной антропологии в повести «Двойник»;
- 6) изучить особенности духовного мира центральных героев повести «Хозяйка»;
- 7) обобщить и охарактеризовать единые художественно-антропологические принципы в раннем творчестве Ф.М. Достоевского.

Положения, выносимые на защиту.

1. В раннем творчестве Достоевского обнаруживаются основы художественной гендерологии, которые найдут полноценное развитие в зрелых романах писателя. В структуре противопоставления женских и мужских персонажей прослеживаются яркие характерологические контрасты: мужские персонажи поглощены своей любовью, они растворяются в ней и даже в какой-то степени теряют самих себя, в то время как женские персонажи в своих чувствах более последовательны и размеренны. Женские персонажи в сравнении с мужскими отличаются незаконченностью и более вариативным разнообразием характеров. На первый взгляд, кроткие и невинные, многие из них содержат в себе черты наиболее инфантильной героини всего творчества Достоевского – Настасьи Филипповны (в частности, ее предтечами стали образы Настеньки из повести «Белые ночи» и Вареньки из романа «Бедные люди»).

2. Несмотря на то, что герои раннего творчества Достоевского принадлежат к определенным типам, в каждом из них проявляется яркое индивидуальное начало, связанное с их мировосприятием и духовными ориентирами. Социальность и типичность персонажей этого периода творчества писателя связаны с природным компонентом человеческой сущности, которой зачастую тяжело противостоять, но которая тем не менее не исчерпывает глубины человеческого характера.

3. Далеко не всегда героев раннего Достоевского можно с абсолютной уверенностью причислить к определенному типу, так как ярко выраженное в каждом герое индивидуальное и христианское начало порождает возможность выделения подтипов и обуславливает необходимость многостороннего изучения каждого персонажа. Неоднозначность и глубина образов героев напрямую зависят от того, насколько они ощущают свою связь с Богом.

4. Высокий уровень типизации, достигнутый Достоевским в его первом романе «Бедные люди», во многом препятствует пониманию уникальности характера Макара Деушкина. Он прежде всего герой развивающийся. Как и Варвара Алексеевна, он имеет чувство собственного достоинства, желание быть признанным и в своих стремлениях отстоять свой образ мыслей и доказать свою ценность; он зачастую не слышит и не понимает окружающих. Схожие черты, но несколько в иных целевых установках, проявляются и в характере Вареньки. Учитывая эту особенность, можно по-новому взглянуть на письма героев, не столько адресованные друг другу, сколько служащие для дневникового выражения их собственного мировоззрения.

5. Каждый герой Достоевского настолько же типичен, насколько индивидуален, но личностные особенности, возвышающие персонажа над другими и доказывающие его ценность, проявляются лишь в той мере, в какой он сам стремится к Богу. Утрата связи с Богом приводит и к потере

личности, что демонстрирует нам пример Якова Петровича Голядкина из повести «Двойник». Под идейно-эстетической стилизацией повести, связанной с мотивами двойничества и сумасшествия, скрывается широкий библейский подтекст, доказывающий, что утрата личности героя, изменившего своему имени Иаков («следующий за Господом»), началась еще задолго до появления его двойника.

6. Категория мечтательства – чрезвычайно значимый аспект в художественной антропологии раннего Достоевского. Именно через эту категорию многие исследователи изучают образ Василия Ордынова в повести «Хозяйка», между тем как мечтательная натура главного героя – это лишь один из многочисленных компонентов поэтики повести, за которым скрывается тот путь духовности, которым доказывается индивидуальность и ценность личности в художественной антропологии писателя. Новый взгляд на систему персонажей данной повести, в частности, на образ Катерины, которую в отечественной науке принято воспринимать как кроткую и невинную натуру, но которая является главным соучастником преступлений Мурина, позволит качественно расширить идейное понимание повести.

Методология. Теоретико-методологической основой диссертации являются исследования теоретико-литературного характера по проблеме антропологии (Н.Г. Чернышевский, Н.В. Омельченко, Э. Агацци, М. Шелер и др.), по проблеме художественной антропологии (Л.С. Драгунская, Т.В. Федосеева, С.В. Козлов, Т.Е. Автухович, В. Изер, А.В. Бабук, Б.Т. Удодов). Теоретической основой для диссертации также послужили работы, целиком посвященные исследованию антропологии Достоевского, например, труды Н.В. Кашиной, О.А. Богдановой, А.З. Штейнберг, В.Н. Захарова, С.С. Хоружего, О.В. Пичугиной и др.; работы по проблемам раннего творчества Достоевского (М.М. Бахтин, Н.А. Бердяев, Ф.А. Степун, Г.М. Фридендер, Л.М. Розенблюм,

Р.Г. Назиров, Б.Н. Тихомиров, В.Н. Захаров, В.Г. Одинокоев, К.А. Степанян, Д.А. Медведева, А.А. Казаков, Э.М. Жилиякова, А.Б. Криницын, С.В. Белов, М.А. Белкина, Т.Ф. Двойнишникова, О.А. Богданова, Г.А. Водопьянова, Т.С. Карпачева). Значимую группу для данной работы составляют статьи, посвященные религиозному осмыслению творчества раннего Достоевского, В.Н. Захарова, Б.Н. Тихомирова, В.Е. Ветловской, О.Г. Дилакторской, Т.А. Касаткиной, А.Г. Гачевой, Т.С. Карпачевой, О.А. Богдановой и других исследователей.

Использовались методы: герменевтический, философско-антропологический и феноменологический.

Научная новизна состоит в том, что впервые посредством герменевтического анализа определена система ключевых категорий антропологии Достоевского. При этом показано, что эти категории не могут быть рассмотрены вне системной взаимосвязи, представляя собой единую аксиологическую целостность.

Актуальность работы обусловлена тем, что к настоящему времени в литературоведении накоплен достаточно большой теоретический и фактологический материал, позволяющий выйти на новый уровень осмысления и постижения особенностей понимания человека в раннем творчестве русского писателя, однако даже при таком обилии исследований творчество Достоевского 1840-х годов остается не в полной мере изученным в плане внимания к художественной антропологии.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в том, что она позволяет расширить представления о раннем творчестве Ф.М. Достоевского, о специфике художественной антропологии его произведений. Показано влияние антропологии раннего Достоевского на дальнейшие постановку и решение проблемы человека в позднем творчестве.

Научно-практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы в рамках вузовских курсов по истории русской литературы второй половины XIX века, при разработке дисциплин, связанных с изучением литературы, в частности литературы периферии; на факультативных занятиях в общеобразовательных учебных заведениях.

Апробация работы. Основные положения исследования представлены на Всероссийской с международным участием научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых «Художественный текст глазами молодых» в ЯрГУ им. П.Г. Демидова (22 октября 2016 г., Ярославль); Конференции «Гуманитарные науки: контекстуальный анализ» в рамках XII Общегородской научно-практической конференции «Студенческая наука» в МГПУ (1-30 ноября 2016 г., Москва); Международной научной конференции «Филологические чтения ЯрГУ» в ЯрГУ им. П.Г. Демидова (22-23 мая 2017 г., Ярославль); Научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых «Художественный текст глазами молодых» в ЯрГУ им. П.Г. Демидова (28 октября 2017 г., Ярославль); Всероссийской с международным участием научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н.А. Некрасова и Ф.М. Достоевского «Дискурс Некрасова и Достоевского: культурное наследие и его интерпретация» (22–25 сентября 2021 г., Ярославль); Конференция «Ф.М. Достоевский – 200 лет спустя: проблема интерпретации» (22 октября 2021 г., Орехово-Зуево); Конференции «IX Летние чтения в Даровом. Достоевский. Философия природы» (25-27 августа 2022 г., Зарайск); Всероссийской научно-богословской конференции (с международным участием) кафедры филологии Московской духовной академии «Таинство слова и образа», посвященной 1160-летию со дня возникновения славянской письменности (24-25 ноября 2022 г., Сергиев Посад).

Структура работы: Исследование состоит из Введения, двух Глав, разделенных на подглавы, Заключения и Списка литературы, насчитывающего 173 позиции.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается выбор темы, методология и методы анализа, формулируются научная новизна и актуальность исследования, определяются его цели и задачи, объект и предмет, основные положения, выносимые на защиту, а также раскрывается научно-теоретическая и практическая значимость работы. Выполнен краткий обзор актуальных исследований по проблемам типологии и художественной антропологии у Достоевского.

Глава I («Человек в творчестве раннего Достоевского: частное и общее») посвящена ретроспективе оппозиции «общее – частное», которая позволяет по-новому взглянуть на некоторые аспекты художественной антропологии раннего творчества Ф.М. Достоевского.

В **1.1 параграфе Главы I** («Мужские и женские персонажи») проводится противопоставление «мужское – женское», раскрывается широкая область художественной гендерологии, в которой основания для изучения особенностей соотношения мужских и женских персонажей не ограничиваются противопоставлением их природы, а охватывает глубинный уровень творческого мировосприятия Достоевского. В сравнении с мужскими персонажами, героини в ранних произведениях писателя отличаются ощущением «незаконченности» (показательным в этом отношении является и тот факт, что роман, написанный от лица женщины – «Неточка Незванова» – так и остался незавершенным). Это ощущение можно приписать как специфике субъективного восприятия самого автора, стремящегося оставить компонент загадочности, так и частным аспектам проявления натуры женских персонажей его раннего творчества.

Сопоставление в русле художественной антропологии мужских и женских персонажей показало, что первые раскрывают себя перед читателем с самых первых страниц, а чувства, которые они испытывают к

женщине, всегда отличаются полной самоотдачей – это чувство заполняет все их существо, не оставляя места ни для чего другого (так было и с Макаром Девушкиным, и с Мечтателем, и с Василием Ординовым, и с Василием Шумковым). С другой стороны, чувства женских персонажей отличаются более размеренной последовательностью – они находятся в динамике и проходят закономерные стадии своего развития, а потому, в сравнении с мужскими персонажами, героини раннего творчества Достоевского не проявляют той жертвенности и самоотдачи, как мужские герои.

Несмотря на то что частные аспекты художественной гендерологии уже были рассмотрены некоторыми исследователями (в особенности, большой прорыв в этой теме сделал А.П. Власкин), сегодня остается множество лакун, касающихся характерологических особенностей мужских и женских персонажей раннего Достоевского.

В 1.2 параграфе Главы I («Социальное и индивидуальное») делается вывод, что, подчиняясь законам социального мира, принимая свою социальность, персонажи раннего творчества Достоевского тем не менее стремятся к вечному, высшему, Божественному и в этом стремлении отстаивают свою индивидуальность. Отрицая традиционные богатства мира, они выбирают путь, на котором можно испытать всю полноту чувств и познать всю глубину мира. На этом пути их неизбежно сопровождают страдания, зачастую опустошающие героев и приводящие их к гибели, но всепоглощающая жажда полной духовной жизни, пусть даже непостоянной и разрушительной, есть истинная цель, свидетельствующая об их свободе воле, об их индивидуальности.

Хотя в персонажах 1840-х годов заметно обозначаются традиции натуральной школы и стремление к обобщенной и типизированной обрисовке характеров, в каждом из персонажей Достоевского обнаруживается ярко выраженная индивидуальность. Социальное в его

ранних текстах – это, в первую очередь, признание природной, зачастую неконтролируемой сущности человека, которая сказывается на стремлении отстоять свою ценность в глазах социума, между тем как истинная ценность каждая личность определяется в ее духовном пути – в ее связи с Богом. Чем дальше герой от Бога, тем сильнее он надрывается, пытаясь найти основания, за что его нужно любить и ценить.

Социальность воспринимается писателем как закономерная и неизбежная сторона человеческой природы, которая при определенном ракурсе рассмотрения может быть как благом, так и пороком.

В большей или меньшей степени каждый герой раннего творчества Достоевского проходит через страдания, связанные с неприятием общества. В одних случаях это проявляется в борьбе за отстаивание и признание собственной значимости в глазах других людей (Яков Голядкин, Макар Девушкин), в других – это сознательная отстраненность, погружение в иллюзорный мир со всей полнотой его жизни (Мечтатель, Ордынов). Однако, независимо от особенностей проявления социального начала в каждом герое Достоевского, мы видим полное признание значимости этой социальности как неотъемлемого компонента природы человека, а также понимание истинного духовного пути, который у каждого персонажа проявляется по-разному, но который так или иначе ведет к Богу.

Здесь же рассматривается мечтательство ранних персонажей Достоевского, которое проявляется в том, что они не находят связи с действительностью и, что еще важнее, даже не стремятся обрести ее. Да, многие из них обеспокоены мнением общества, отстаиванием своего положения в социуме, борьбой за справедливость и признание, но при этом они не стремятся к тому, чтобы стать частью этой реальности, так как их сознание, их мечты и их действия устремлены к чему-то высшему. В духовной жертвенности, в готовности расточать себя ради других, в отказе

от накопительства материальных благ, а также в той мечтательности, которая на первый взгляд кажется даже праздной, проявляется глубокая индивидуальность каждого отдельного героя, интуитивно или осознанно отрекающегося от привычных благ мира.

В 1.3 параграфе Главы I («Типологическое и христианское») рассматриваются категории типологическое и христианское, которые можно в полной мере считать ключевыми параметрами поэтики Достоевского.

Многозначность и сложность образов даже ранних героев писателя связаны с христианским аспектом создания, восприятия и интерпретации этих образов (осмысление Достоевским задач искусства как богопознания в 40-е годы XIX в. и творческое взаимодействие с С.П. Шевыревым).

Здесь также нельзя отрицать влияние личностных особенностей самого автора, которые формировались и развивались под воздействием целого комплекса как внешних, так и сугубо индивидуальных, природных факторов.

Присутствие Бога чувствуется в каждом типаже, выведенном Достоевским в его ранних произведениях, причем это присутствие в каждом герое звучит по-разному: интуитивное стремление отдать всего себя ради другого – у Макара Деушкина и Василия Ордынова, одухотворение благодарностью за доброту людскую – у Василия Шумкова, беспрекословное поклонение перед образом Красоты – Богоматери – у Мечтателя, ощущение присутствия путеводной звезды, не дающей заблудиться во мраке, – у Неточки. Каждый герой, независимо от того, к какому типу он принадлежит, в большей или меньшей степени благоговеет перед величием Бога, любит Бога, находит в нем свое успокоение. Причем ни один из ранних героев Достоевского не требует доказательств существования Бога, они просто ощущают его присутствие через себя самих, ведь, как справедливо отмечает Н.А. Бердяев, самое

главное доказательство существования Бога – антропологическое: «оно состоит в том, что человек есть существо, принадлежащее к двум мирам и не вмещающееся в этом природном мире необходимости, трансцендирующее себя, как существо эмпирически данное, обнаруживающее свободу, из этого мира не выводимую. Это не доказывает, а показывает существование Бога, так как обнаруживает в человеке духовное начало»²³.

В каждом раннем произведении Достоевского зримо присутствует библейский текст, что собственно и дает основание рассматривать типологию его персонажей в контексте христианской антропологии.

Таким образом, обращение к типологии персонажей раннего творчества Достоевского всегда должно сопровождаться пониманием того безграничного духовного опыта, который писатель закладывает в своих персонажей, наделяя каждого из них ценностью, раскрывая через них образ Бога. Это не значит, что категория художественного типа неприменима к творчеству писателя, а лишь указывает на то, что одним лишь выведением типов нельзя ограничивать понимание своеобразия каждого персонажа. Достоевского интересует богоподобная сущность человека, в какой бы социальной, биолого-психологической или эмоциональной перспективе он ни рассматривался.

Глава II («Проза Достоевского 1840-х годов: герменевтика отдельных текстов в свете христианской антропологии»). Обращение к герменевтике отдельных произведений Ф.М. Достоевского позволило интерпретировать специфику христианской антропологии творчества писателя в контексте внутреннего мира личности отдельных его героев. Причем особое значение в таком анализе имела не только историческая реконструкция исходной основы литературного текста и содержащейся в

²³ Бердяев Н.А. Миросозревание Достоевского. М.: Академический проспект, 2019. С. 288.

ней системы образов, но и расширение спектра понимания самого человека во всем многообразии художественной антропологии Достоевского.

В параграфе 2.1 Главы II («Типология и характеры в романе “Бедные люди”») доказывается, что в первом романе Достоевского не только отражается безусловно значимая художественная типология, но и находит свое выражение полноценное выдвижение индивидуального начала в человеке, которое в последующем станет фундаментальной основой художественно-философского гуманизма всего творчества писателя.

Первый роман Достоевского, снискавший высокую популярность в литературных кругах, сегодня имеет весьма однозначный вектор восприятия, основанный на идеализации отношений Макара Девушкина и Варвары Алексеевны, а также на изучении категорий типичного, репрезентированного в их образах вслед за традицией изображения «маленького человека». Прорвавшись сквозь этот вектор (безусловно, верный и необходимый для составления полноценного представления о системе персонажей романа), можно увидеть то индивидуальное начало, которое Достоевский связывал с природной сущностью человек и которое проявляется в эгоистических порывах человеческой души. Трепетный обмен письмами двух героев, с обратной стороны восприятия, представляет собой переписку абсолютно глухих друг к другу людей. Проникнутый ощущением собственной жертвенности Макар Девушкин и зачастую тяготящаяся этой жертвенностью со стороны своего «благодетеля» (в первую очередь благодетеля, а не друга) Варвара Алексеевна желает большего, она ропщет на свою судьбу и обстоятельства и уж точно не желает видеть в себе такого же «бедного человека», как Макар Девушкин.

Также в главе рассмотрен сам феномен бедности в поэтике Достоевского, обнаруживаются более глубокие грани понятия «бедность»,

указывается на то, что бедственное состояние не только объединяет между собой определенную категорию людей, но и способствует раскрытию самой человеческой природы, стремящейся к возвышенному и духовному, но неизменно остающейся скованной материальным миром. Герои «Бедных людей», даже искренне желая поступать правильно и благородно, тесно связаны со своей земной сущностью, которая и не позволяет говорить о них как о предельно обобщенных типах, ведь каждый персонаж стремится проявить свою индивидуальность.

В параграфе 2.2 Главы II («Христианское начало в человеке как антропологическая концепция в повести “Двойник”») мы вывели уже имеющиеся в современной науке представления о репрезентации христианских интенций в повести «Двойник» на уровень единой антропологической концепции, что позволило по-новому взглянуть не только на идейное наполнение повести, но и на формальные аспекты выражения христианского начала в раннем творчестве Достоевского.

В повести Достоевский отходит от категории «благородной бедности», чтобы напрямую раскрыть влияние того физического мира, который так развращает душу человека. Автор вовсе не выступает в защиту «маленького человека», а, скорее, указывает на тесную связь каждого существа на земле с Господом, а также показывает, к чему приводит забвение этой связи. Безусловно, подобная трактовка не может быть рассмотрена как единственно верная или репрезентирована как всеобъемлющий обзор библейского подтекста в повести «Двойник», однако данный подход к исследованию раскрывает новые идейно-эстетические интенции, не только более глубоко раскрывающие образ Якова Петровича Голядкина, но и указывающие на фундаментальные основы художественной антропологии всего творчества Достоевского.

Многообразие толкований, которое раскрывается в типологии персонажей раннего Достоевского, свидетельствует о наличии

идеологической основы, которую обычно приписывают лишь героям зрелого творчества писателя. Раскрыть и описать этот идеологический фундамент помогает обращение к библейскому подтексту, который, подобно незримому пути, указывает верное направление, которому персонажи либо следуют, либо идут наперекор, как Яков Петрович Голядкин. Проведенный анализ повести «Двойник» доказал, что теснота связи с Богом определяет и то, насколько человек ощущает и понимает сам себя. Глядя же глазами других, выстраивая ценности исключительно на основе чужого мнения, сосредотачиваясь на материальных аспектах жизни, человек неизбежно отдаляется от Бога, а значит, и утрачивает сам себя. В данной работе было показано, что появление двойника – это лишь сюжетно-композиционный прием, помогающий завуалированно передать утрату личности человеком, изначально выбравшим неверный путь, прямо противоположный его внутреннему образу Бога.

В параграфе 2.3 Главы II («Мечтательность как признание духовности человека в повести “Хозяйка”») мы отмечаем, что мечтательная натура Ордынова и специфика сюжетно-повествовательной канвы дала повод многим исследователям рассматривать данного героя в контексте романтических интенций. Так, по мнению К.В. Мочульского, романтическое эмоциональное звучание было вообще характерно для произведений писателя 1840-х гг., посвященных образу мечтателя. «В пределах поэтики натуральной школы тема мечтательности связалась с образом “бедного чиновника” и снизилась до мрачно-комического гротеска (Голядкин, Прохарчин)»²⁴. Схожая позиция прослеживается и в исследованиях В.Я. Кирпотина, отмечавшего, что «Хозяйка» – «не реалистическая повесть, она совершенно откровенно следует романтическим канонам»²⁵.

²⁴ Мочульский К.В. Достоевский: Жизнь и творчество. Paris: YMCA-press, 1980. С. 35.

²⁵ Кирпотин В.Я. Ф.М. Достоевский: Творческий путь (1821–1859). М.: ГИХЛ, 1960. 607 с.

Однако, на наш взгляд, если в повести «Хозяйка» и имеет место возвращение к романтической традиции, то этот аспект следует рассматривать лишь как компонент поэтики произведения, способствующий созданию эффектной стилизации системы персонажей, позволяющей, в свою очередь, раскрыть феномен мечтательства во всем его духовно-психологическом многообразии.

Но в современной науке уже сложился вектор восприятия, согласно которому, неоднозначность в оценке повести «Хозяйка» связана, с уникальным творческим методом повести, являющимся составной частью художественной антропологии раннего Достоевского.

Также в данной главе мы обращаемся к образу Катерины, который раскрывает значимые аспекты духовности как фундаментальной категории художественной антропологии раннего Достоевского.

Катерину большинство исследователей, в том числе опираясь на толкование ее имени, считает героиней, приближенной к идеалу и называет ее «чистой» и «непорочной», что нам представляется не совсем справедливым ввиду ее возможного участия в преступлениях и убийствах. Уникальная сюжетная интроспекция повести «Хозяйка» задает особый вектор восприятия главного героя Ордынова, в особенности его мечтательной натуры. Сложность и многоплановость характеров Ордынова и Катерины, и та сфера мечтательства, сквозь которую раскрывается духовная сущность персонажей, на наш взгляд, лучше всего иллюстрируются словами Мити Карамазова, ставшими художественным определением образов героев Достоевского: «Широк человек, слишком широк – я бы сузил».

Итак, нами были переосмыслены образы центральных героев в повести «Хозяйка», в особенности Ордынова и Катерины. Если Василия Ордынова в отечественных исследованиях привыкли рассматривать с позиций типологической соотнесенности с героем-мечтателем, в котором

находят свое выражение романтические интенции, то в данном исследовании было доказано, что этот образ намного более глубокий – в нем обнаруживаются черты поздних «героев-идеологов». Сбивающий с толку болезненно-мечтательный фон произведения иногда не позволяет увидеть, что и Катерина отнюдь не идеалистическое воплощение «кротких» героинь Достоевского, а более сложный и разносторонний характер. Ее участие в преступлениях Мурина вполне осознанное и отнюдь не жертвенное, каковым это видится ослепленному любовью и своим мечтательным сознанием Ордынову.

В Заключении исследования изложены основные результаты работы, а также обозначены возможные перспективы исследования.

Творчество Ф.М. Достоевского породило новую концепцию человека в мировой литературе, философии и психологии. Хотя наиболее зрелые и полноценные примеры данной концепции обнаруживаются в позднем творчестве писателя, фундаментальные основы его художественной антропологии заложены в ранних произведениях 1840-х годов. Обращение к истокам позволит не только по-новому взглянуть на более поздние тексты автора, но и поможет понять мировоззренческие и характерологические основы его творчества.

Для того чтобы достичь поставленной цели – раскрыть единые антропологические принципы раннего творчества Достоевского, нам представилось целесообразным расширить исследовательское восприятие некоторых текстов за счет обогащения категорий типичного (общего) аспектами индивидуального (частного). В отечественной традиции сложилась тенденция, идущая еще от В.Г. Белинского и состоящая в исключительно типизированном представлении о своеобразии характеров ранних героев Достоевского. В данной работе мы постарались не только опровергнуть это представление, но и расширить понимание многообразия индивидуальностей, раскрывающееся, в первую очередь, через призму

духовности персонажей. Иными словами, все аспекты художественной антропологии рассматривались нами в ее сопоставлении с христианской антропологией, которые неотделимы друг от друга ни в раннем, ни в зрелом творчестве Достоевского.

В целом, проведенное исследование показало, что открытия, сделанные Достоевским на его раннем пути «разгадывания» человека, привели к возникновению уникальной художественной антропологии, в которой каждый герой ценен сам по себе. В каждом персонаже раннего творчества Достоевского в большей или меньшей степени угадываются черты зрелых и переработанных героев, но при этом в каждом из них яро отстаивается право быть человеком в его идеальном воплощении, то есть человеком, несущим в себе образ Бога.

Основные положения исследования отражены в 7 публикациях, в том числе 3 из них в журналах, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Публикации по теме НКР в журналах, внесенных в список ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Бочарова А.А. Бедна ли Лиза? О сентиментальных традициях изображения героини в повести Ф.М. Достоевского «Слабое сердце» // Современное педагогическое образование. 2022. – № 12. – С. 246–248.

2. Бочарова А.А. Библейские контексты романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди»: к вопросу о художественной антропологии писателя // Современное педагогическое образование. 2023. – № 2. – С. 393–396.

3. Бочарова А.А. «Встал я сегодня таким ясным соколом»: антропологическое значение природной метафоричности в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди» // Современная наука: актуальные

проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – 2023. – № 1. – С. 117–119.

Публикации в других изданиях:

4. Бочарова А.А. «Широк человек, слишком широк — я бы сузил»: осмысление внутренних противоречий героев повести Ф.М. Достоевского «Хозяйка» // Сборник по материалам международной научной конференции «Художественный текст глазами молодых» в ЯрГУ им. Демидова / Сост. Е.А. Федорова. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2016. – С. 334–337.

5. Бочарова А.А. Образ Вареньки Доброселовой как предтеча женских образов в позднем творчестве Ф.М. Достоевского // Художественный текст глазами молодых: Материалы международной научно-практической конференции / Сост. Е.А. Федорова. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2018. – С. 40–44.

6. Бочарова А.А. Две Насти в творчестве Ф.М. Достоевского: образы Настеньки («Белые ночи») и Настасьи Филипповны («Идиот») // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде: Материалы научно-практической конференции. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 230–233.

7. Бочарова А.А. Притча о неразумном богаче в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди» // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде: сб. материалов V Международной научно-практической конференции, 17–18 ноября 2022 г.